

БЕРЕГ, на коем стоит **Инга ПЕТКЕВИЧ**, – позднесоветский и, стало быть, неизбежно мусорный, вонючий и пропавший, зафиксирован ею с дотошностью, гиперсарказмом и самокритичностью. Роман «Плач по красной суке» (С.-Пб., «Амфора», 2000) начинается как детектив: «Моя сослуживица Ирма Соколова замерзла насмерть...», а развивается как обличительная публицистика, где самодвижение образов то и дело подменяется прямыми филиппиками. Официально узаконенное пьянство как форма верноподданничества; олимпиады и юбилеи в типичной конторе как витки вырожденческой спирали; бесконечное взаимостукачество;

лозунги – шантаж – партсобрания; очереди – политинформации – стройотряды; пир номенклатуры (даже в блокаду) и насильственные психушки; зловонные детсады; мужики-альфонсы и женщины-лесбиянки; шизоидные гении и выскочки-разночинцы... Множество деталей, которые нынешнему молодому читателю покажутся отталкивающими архаизмами: хрусталь в сервантах, грязный капроновый чулок, запихнутый в бюстгальтер, мыши в коммунальных кастрюлях и вообще: «Мой миленок храпел, поместив голову в блюдо со студнем, а из уха у него торчал сельдерей». Ужас советского хронотопа, воссозданный в книге, которая писалась в стол (даты создания в конце: 1972–1982), но и явно инкрустировалась позднейшими вкраплениями, передается читателю как напряженный ток. Книга эта есть мучительное и антиностальгическое ретро – она свидетельствует о том, как строй разрушает личность, даже его ненавидящую. Авторская речь, начисто лишённая юмора как щита, выдает глубинное поражение обличительницы, ибо сам слог заряжен полной психической зависимостью и напрочь растворен в грязной и хлюпающей влаге обличения. Старый маразматик... мутанты... деграданты... мурло... ублюдки... ханурики... мырма... клинический идиот... злобный кретин... подонок... – это лишь сотая часть лексического ряда, который выстраивает писательница в своей памфлетной исповеди. Ирма (и альтер эго писательницы, и оппонент, и «автор» второй части, преподанной как рукопись, обнаруженная после смерти) замечает: «Наша реальность не поддается осмыслению, потому что, пока вы ее осмысливаете, она, как трясина, затягивает вас. Что можно изобразить, стоя по шею в дерьме?» Думается, тут И. Петкевич стремится подстраховать себя от возможных упреков (прием известный), но дело не в прототипической реальности, а в мере таланта. И Гоголь, и Салтыков-Щедрин, и – позднее – Зощенко и Платонов погружались в трясины до дна, но от нее отчуждались – острашением ли, лукавой ли сатирой, дрожью ли вечного. «Вторым берегом!» В случае Инги Петкевич (А. Битов аттестует ее как «небывалого и сильного писателя, которого в очередной раз не смогли прочесть и оценить вовремя») основной берег описан вплотную и мощно, так, что хочется сказать тем, кто скучает по красной суке, она же Софья Власьева, – марш в эту книгу! Живо отобьет ностальгию. Но яд испарений заслоняет и от автора, и от читателя берег другой... Все правда, но не вся правда. Увы.

Обучая газ. – 2000. – 12 окт. – с. 10